

Царёв Михаил
(и 100-летию рождения
создающего)

17.12.03

Культура. 2003-
11-17 дек. - с. 11

Царь или не царь?

К 100-летию со дня рождения Михаила Царева

Заглазное прозвище – Царь, но без тени иронии или, не дай Бог, насмешки. Действительно царь – правитель. Не часто, но в русском театре такие личности были: А.И.Южин, Вл.И.Немирович-Данченко – творцы и строители.

Он ли сам или время выбрало для него сложнейшую, с элементами трагедии жизнь и судьбу.

В памяти потомков он остался противоречивой фигурой. Нынешнее время поощряет тех, кто неодобрительно относится к его общественной работе, да и актерской деятельности.

Мог спокойно прожить благополучную жизнь артиста – сначала героя-любовника, а потом благородного отца. Природа дала ему для этого все: красивую внешность, бархатистый голос, его не портило чуть заметное косоглазие. Воспитанник Ю.Юрева, он наследовал школу Александринки, где его и увидел ненавистник традиций и сокрушитель канонов Вс.Мейерхольд и позвал к себе. И на какие роли! Чацкий в "Горе от ума", Арман Дюваль в "Даме с камелиями". Последняя стала просто легендой. На фотографиях – красивый человек в красивых позах, но и сквозит статуику чувствуете, что мог обворожить кого угодно, что мужское достоинство сочеталось в нем с нежностью. Его партнершей была Зинаида Райх.

...Он сам и другие запомнили его публичное выступление против Мейерхольда.

Много позже, когда Царев уже и народным Союза, и директором Малого, и председателем ВТО, и президентом Национального центра Международного института театра, он говорил мне о том, что хочет написать о Зинаиде Райх. Обстановка располагала к неспешным разговорам. Я был с ним в Индии на конгрессе Института театра (помогал писать доклад). Душными вечерами, начисто лишенными русской прохлады, выпив, он терял прилипшую к нему маску деятеля и становился разговорчивым, живым, смешливым и добрым. Предлагая ему литературную помощь, я хотел попытаться, что же так волновало его при упоминании имени Райх. Он не раскрывался, но было件件но, что некрасивая роль в судьбе Мейерхольда тяготила его. Может быть, и трагическую гибель Зинаиды Райх он в какой-то мере брал на свою совесть. Почему-то эти разговоры вспоминались на спектакле "Перед заходом солнца", где он с сердечным пониманием играл человека, в личную судьбу которого вмешиваются история и независимость. В чеховском Иванове он как будто анализировал способность героя (но и свою) выдерживать сопротивление окружающей среды.

Правда, что ли, жизнь питает искусство?

Ведь и в Вожаке из "Оптимистической трагедии", мощном создании поздних актерских лет, был отголосок его собственной жизни. Ему самому приходилось решать судьбы сотен людей.

Его Чацкого, сыгранного в Малом театре, поругивали – больно красив, нет настоящего молодого темперамента, уж очень героичен. Тут беда его актерской судь-

бы: поздние роли – все на подбор высокие удачи, а роли типа Чацкого удавались не очень. Расхождение внешних и внутренних актерских данных. По артистической натуре – характерный, комик, по внешности – герой, на это амглауа его и тянули, да и сам был не прочь изображать красивых и смелых. Актерское тщеславие этим тешился. Как артиста впервые увидел его и на всю жизнь запомнил в спектакле "Рюи Блаз". Его дон Сезар де Базан, спасаясь от кого-то, вываливался из камина и жадно ел курицу. Был смешон, но благороден и отважен. Романтическая роль, детский идеал человека, который никому не дано осуществить, но артист был явно счастлив, что мог представить его на сцене. В реальной жизни ему часто приходилось подавлять в себе веселые порывы и прятать неопределенность. Кроме сценических, у него была еще любимая роль театрального политического деятеля.

Мало кому в советские годы она удалась так блистательно, хотя и требовала подчас обуздывать личные порывы и желания, стоила нервов и не всегда получала лицеpriятную оценку коллег. Он любил и Малый театр, и свою должность директора в нем. Историки дадут объективный и подробный анализ его директорства, но и тогда, и сейчас ясно, что достоинства Малого театра он не уронил, высочайший актерский уровень удержал, хотя театральным людям без объяснений понятно, что сохранять трудовую гармонию в труппе безмерно талантливых, но в той же мере колючих самолюбив кудя как непросто. Тут в равной и большой мере нужен был незаурядный дар дипломата, воля диктатора, расчетливость хозяина и интуиция художника. В наличии этого ему никто и никогда не отказывал.

Много лет он возглавлял Всероссийское театральное общество, приняв этот пост после легендар-

ной А.А.Яблочниной. Царев сердечно любил людей театра, понимал, что при всей разрозненности они составляют общность, почти касту, которой надо помогать. ВТО стало при нем авторитетной, влиятельной организацией, помогавшей актерскому братству и творчески, и материально. Сам много работавший в провинциальных театрах, он знал нужды артистов, знал их раннюю гордость и унижительную зависимость. На одном из съездов (или совещаний) он сказал, что "путь из Керчи в Вологду" – это благородный и славный путь. И вызвал аплодисменты благодарных коллег.

Ему очень удавались роли сильных, непреклонных людей. В советском репертуаре он таких переиграл множество, правда, всегда смягчая роль юмором, где это было возможно, или легкой иронией. Это свойство, кстати, делало приемлемыми спектакли по пьесам советских, часто не лучших авторов, которых Малый театр ставил множество. Театр, его режиссура не без воздействия Царева выработали свой особый стиль сценической подачи этого драматургического материала: вашу неправду сыграем как бы понарошку, слегка театрализуем, а где есть истина, там будем серьезны.

В зрелые годы его сильно влекла высокая драма, трагедия. Свойственная ему жажда анализа своего внутреннего мира, которая приоткрывалась лишь самым близким людям, ибо он привык быть закрытым человеком, могла выразиться только высоким слогом трагедии. Некоторые наблюдатели слышали явственные ноты драмы даже в его Фамусове в комедии Грибоедова.

Неизменно большое внимание привлекали его Макбет, Арбенин, Маттиас Клаузен, Ростанев, Веррина ("Заговор Фиеско в Генуе"). В советские годы Малый театр не знал безоговорочного зрительского и критического (последнего в особенности) признания. Он скалисто высился оплотом традиций, гор-

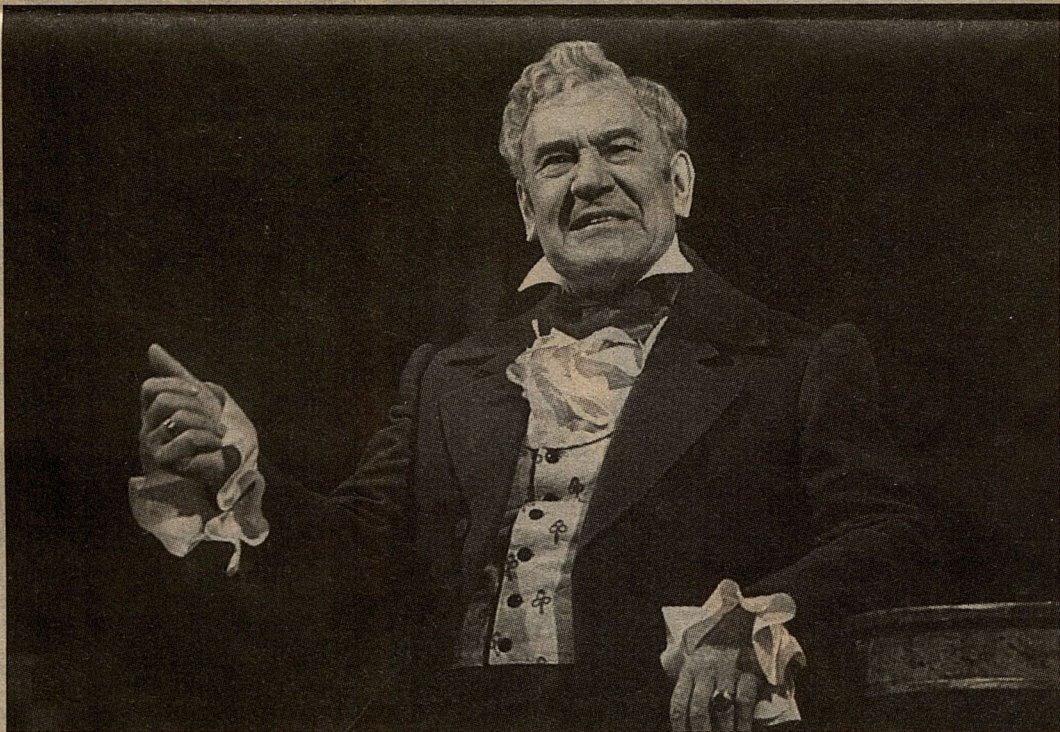
дился этим, на этом стоял. Вокруг бушевали новаторы, отчеканивались иные стили, находилась и утверждалась иная художественная правда. Малый театр и его многолетний директор, корифей труппы, стояли на своем: новаторство дозировано, традиция, читай – русский сценический реализм вечен, как и особый московский строй речи, подчеркнута четкая дикция – звук Малого театра.

Царев любил читать стихи, по своему читал Пушкина и Есенина. Манера чтения довольно быстро устареет, послушайте даже самых великих, резанут выпренность, старомодная распевность. Манера Царева не устарела. Это можно сказать и о многих его актерских созданиях.

Роль короля Лира вобрала многие мотивы и приемы его искусства. Прежде всего его волновала тема власти, ее силы и слабости, моральной ответственности и долга. Он увидел своего короля и его жизнь в очень сложных ракурсах. Герой и раскаивался в своем поступке – король не должен отдавать власть, к хорошему страну это не приводит, – но был и благодарен себе за роковое решение, ибо ему открылась настоящая правда о людях. Артист жалел героя, приглушенно звучали даже сентиментальные ноты, чего практически никогда не было в актерской палитре Царева. Однако и в этой роли он не изменил своему пристрастию к романтизму, если понимать под этим словом увлечение человеком сильным, самостоятельным в помыслах и поступках. Явственной в роли Лира была и тема искупления совершенной когда-то ошибки.

В истории российского театра Михаил Иванович Царев останется фигурой, едва ли не классически воплотившей все высокие и многие неприглядные приметы эпохи. Он был ее идеальным знаком.

Юрий РЫБАКОВ
Фото ИТАР-ТАСС

М.Царев в роли Фамусова в спектакле "Горе от ума"